

Недиалектические паттерны в истории

Кеннет Болдинг

Оглавление

Недиалектические паттерны в истории	3
Биологическая эволюция	5
Рост знания	8
Социальный обмен	10
Экономическое развитие	13
Интегративная система	15
Философия развития	18

Недиалектические паттерны в истории

Различие между диалектическими и недиалектическими элементами истории не всегда является точным. Однако важные различия редко бывают точными. Категории переходят друг в друга, как цвета радуги. Тем не менее, подобно тому, как диалектические процессы характеризуются круговой или спиральной последовательностью событий, революциями, в которых положение двух сторон или факторов меняется на противоположное, а также противоречиями и конфликтами, мы можем идентифицировать недиалектические элементы истории как те, которые являются кумулятивными, предполагающими устойчивый рост или развитие, те, в которых циклические аспекты являются второстепенными для фундаментальных тенденций, и те, которые не являются конфликтными или в которых конфликт является второстепенным и случайным элементом.

Биологическая эволюция

Процесс биологической эволюции в целом кажется недиалектическим. Генетические мутации, как правило, довольно малы, а эволюционный процесс протекает путем непрерывного отбора небольших изменений на границе. Это не исключает возможности некоторых крупных мутаций. Однако из-за своей редкости они практически не наблюдаются. Мы действительно находим экологические системы, в которых могут быть «противоречия», но только в том смысле, что в них действуют необратимые кумулятивные процессы, которые в конечном итоге изменяют их. Например, жизненные процессы в пруду могут в конечном итоге превратить его в болото, болото в прерию, а прерию в лес. Однако эти последовательности не следуют диалектическому паттерну. Нет «конфликта» между болотом и прудом, пруд не подавляет болото, пока болото не наберёт достаточно сил, чтобы произвести революционное свержение. Трансформации происходят кумулятивно и постепенно, и хотя популяции внутри системы находятся в конфликте, сами последовательные системы — нет.

Философы-диалектики могут утверждать, что роль катастроф в эволюционном процессе имеет диалектический или, по крайней мере, революционный элемент. И здесь катастрофы, которые по самой своей природе редки (иначе нечего будет изучать), наблюдать трудно, и их роль неясна. Однако есть свидетельства того, что катастрофы в прошлом, нарушив равновесие, которое стало слишком стабильным, позволили новым мутациям выжить и, следовательно, заложили основу для нового эволюционного прогресса. Возможно, например, что неизвестная катастрофа, которая уничтожила динозавров и привела к вымиранию очень большого числа видов, была необходимым ингредиентом в развитии млекопитающих и в следующей эпохе эволюционного процесса. Катастрофа делает ставку на приспособляемость, а не на приспособление. Во времена катастроф кроткие, то есть приспособляющиеся, наследуют землю, тогда как сильные, хорошо приспособленные к окружающей среде, которая уходит, вымирают. В этой связи было высказано предположение, что ледниковые периоды сыграли важную роль в развитии человека просто потому, что они, опять же, придавали большую ценность для выживания способности адаптироваться.

Однако мы не должны придавать этим рассуждениям о роли катастроф больше научного веса, чем они того заслуживают. Здесь нет явления, которое можно было бы легко наблюдать и повторять. Хотя аргумент о том, что катастрофа, возможно, ускорила эволюционный процесс, имеет некоторую вероятность, можно сомневаться в том, что он играет фундаментальную роль. Кажется вероятным, например, что после того, как в процессе эволюции появилось теплокровное животное, этот тип жизни имел существенные преимущества перед рептилией, даже в отсутствие катастрофы. Точно так же трудно поверить, что животное, использующее огонь, такое как человек,

не имело бы больших преимуществ даже в отсутствие ледникового периода. Катастрофы, которые прервали эволюционный процесс, сами по себе не диалектичны, то есть они не возникают по необходимости из противоречий предыдущих систем, а обычно навязываются извне. Это особенно верно в отношении климатических изменений, которые никоим образом не зависят от внутренней работы системы биологической эволюции, но совершенно не связаны с ней, даже если они могут иметь большое влияние на неё. Одним из возможных исключений из этого предположения является изменение климата, которое может возникнуть в результате поглощения углекислого газа из воздуха растениями и другими живыми организмами и его нынешнего восстановления в атмосфере за счет сжигания ископаемого топлива. Было высказано предположение, что увеличение содержания углекислого газа в воздухе будет иметь «парниковый эффект» и нарушит тепловой баланс Земли, пропуская через атмосферу от солнца больше тепла, чем она отдаёт при нынешних температурах. Можно было бы ожидать, что это повысит температуру Земли, что, конечно, будет иметь серьезные последствия, такие как таяние ледяных шапок и изменение всей экологической структуры биосферы. В эволюционном процессе могут быть длинные циклы такого рода, которые имеют некоторый диалектический характер в том смысле, что именно противоречия внутри одной фазы порождают следующую. Однако среди естественных учёных нет единого мнения относительно реальности этих явлений — таким образом, «парниковый эффект» может быть буквально омрачен увеличением облачности, и снова их следует отнести к категории интересных предположений.

В случае социальной эволюции диалектические процессы, несомненно, имеют место, но они, по сути, временные, краткосрочные и второстепенные по своей природе. Великие перемены всегда недиалектичны. Они возникают в результате совокупного воздействия небольших изменений и отбора небольших социальных мутаций. Более того, по большей части большие изменения неконфликтны. Кто что получает — второстепенный и случайный аспект великого процесса, благодаря которому мы все получаем больше. Более того, великие изменения в социальной системе не являются революционными, несмотря на то, что мы иногда небрежно используем слово «революция» просто для обозначения больших изменений. В высшей степени ошибочно использовать одно и то же слово «революция» как для процесса эволюционного или экономического развития, как мы используем в выражении «промышленная революция», так и для процессов, которые в основном связаны с изменениями в локусе политической власти, такими как американская, французская, или русская революции.

Из-за того, что он используется для стольких различных явлений, использование термина «революция» стало настолько запутанным, что возникает соблазн отказаться от него, хотя он слишком хорошо установлен для этого. Возможно, нам следует различать недиалектические революции и диалектические революции. Недиалектическая революция — это ступенчатая функция, то есть она представляет собой разрыв во всем эволюционном процессе из-за некоторой мутации, которая оказывает глубокое, долгосрочное воздействие на всю систему. Таким образом, эволюция самой жизни, позвоночных животных и особенно человека в этом смысле являлась «революционным» шагом. Эти революции, однако, недиалектичны в том смысле,

что они не возникают в результате конфликта двух систем и победы одной системы над другой. Мутации, которые приводят к революциям такого рода, действительно часто бывают очень маленькими и довольно незаметными в данный момент. Напротив, диалектические революции предполагают возникновение из одной системы конкурирующей системы, а революция происходит, когда конкурирующая система преодолевает предыдущую и вытесняет ее. Я утверждаю, однако, что диалектические революции - это небольшая часть общей драмы Вселенной, в которой доминируют недиалектические революции и кумулятивные процессы.

Рост знания

Первый великий кумулятивный процесс, который в целом недиалектичен, — это рост знания. Рост знания, как мы видели, можно описать в терминах процесса мутационного отбора. В результате определенного ввода информации, будь то извне или от его внутренних генераторов информации, человек меняет свой образ мира. В какой-то момент человеческой истории, возможно, во многих местах, кому-то пришла в голову идея посадить съедобное семя вместо того, чтобы есть его, при этом образ был таким, что растения вырастают из семян. Таким образом, эти образы подвергаются избирательному процессу, поскольку они проверяются на опыте, и истинные, как правило, проходят больше испытаний, чем ложные. Иногда, как мы видели, испытание включает выживание целой культуры, в которой выживают как ложные, так и истинные образы, и, с другой стороны, и истинные, и ложные образы не выживают. По мере того как человек постепенно разрабатывает аппарат для непосредственной проверки образов, процесс, который завершается субкультурой науки, соответственно возрастает его способность к росту знаний. Однако это скорее эволюционный, чем диалектический процесс.

О том, что в росте знания есть некоторые диалектические элементы, свидетельствует периодическое использование термина «революция» для описания некоторых особенно драматических перестроек человеческого образа самого себя или своего мира. Таким образом, мы говорим о «коперниковской» или «кейнсианской» революции, и, хотя в неаккуратном употреблении этого слова есть определённые опасности, аналогия с политической революцией не совсем неуместна. При замене, например, птолемеевского взгляда на Вселенную на концепцию Коперника, мы действительно можем проследить нечто вроде диалектического процесса. Старая система имеет власть, её преподают в школах, и те, кто её знает и преподаёт, кровно заинтересованы в её сохранении. Однако, если она «неправильная» в том смысле, что имеет некоторые внутренние противоречия или не даёт полезной картины реальности, в конечном итоге она будет оспорена новой системой. У новой системы поначалу, вероятно, мало приверженцев. Те, кто верит в неё, скорее всего, будут амбициозными, но не могущественными молодыми людьми, и тогда возникает конфликт между новым и старым взглядами, который заканчивается триумфом нового взгляда и успешной революцией. Здесь мы, кажется, имеем типичную диалектическую схему, в которой старый взгляд является установленным тезисом, новый взгляд является антитезисом, который в первую очередь подчиняется старому взгляду и вступает с ним в конфликт, а затем, наконец, побеждает установленный тезис. Новый взгляд, конечно, может содержать некоторые внутренние противоречия, которые приведут к тому, что процесс будет повторяться снова и снова.

Таким образом, диалектическая борьба, скажем, между христианством и исламом, между католицизмом и протестантизмом, между капитализмом и коммунизмом,

по сути, не является частью процесса познания, но по сути является частью системы угроз. Рост знания вовсе не продвигается диалектическим процессом; этот процесс ему мешает. Диалектическая борьба препятствует проверке знаний прямыми или научными методами и представляет собой шаг назад к проверке образов успехом целых культур, а не проверкой самого знания. Диалектический процесс приводит к серьезным нарушениям процесса накопления знаний с обеих сторон конфликта, поскольку, когда вопросы ставятся в диалектических терминах, то есть в терминах конфликта между двумя культурами или двумя центрами силы, каждый центр постепенно теряет способность учиться у другого. Таким образом, система ценностей каждого из них начинает действовать как фильтр, искажающий процесс ввода информации, отфильтровывая информацию, противоречащую определенной идеологии, и, следовательно, предотвращая обучение. После определенного момента конфликтные процессы не способствуют обучению. Они скорее укрепляют старые образы, какими и насколько достоверными бы они ни были. Тип тестирования образов, который происходит в конфликте, полностью отличается от тестирования, которое проводится в научном процессе.

Конечно, диалектические процессы известны даже в рамках научной субкультуры. Учёные разрабатывают излюбленные теории, которые они защищают, потому что эти теории связаны с их личным престижем. Учёные не лишены человеческих недостатков, и образ учёного, стремящегося к истине любой ценой, даже ценой своей собственной репутации, имеет несколько заметных исключений. Более того, даже учёные никоим образом не освобождаются от соблазна использовать систему угроз и даже стремиться объединиться с центрами политической власти для продвижения своих собственных позиций и собственных теорий. Дело Лысенко в Советском Союзе, возможно, является самым скандальным, но ни одна страна не была застрахована от такого рода манипуляций, и особенно там, где наука в своей экономической основе зависит от крупных государственных субсидий, соблазн использовать политическую власть для поддержки личной теории становится все больше. Следует подчеркнуть, что эти диалектические процессы в науке не продвигают знания, а тормозят их. Наука прогрессирует не за счет конфликтов теорий, а путем проверки предсказаний. Она развивается не благодаря тому, что одна теория побеждает другую в революции, а скорее благодаря медленному росту проверяемых и проверенных изображений.

Социальный обмен

Другой длительный кумулятивный процесс в обществе, который по сути недиалектичен, — это процесс, посредством которого обмен развивает разделение труда и увеличивает человеческую производительность. Этот процесс также имеет диалектические элементы, но диалектические элементы представляют собой незначительный недостаток и препятствие, а не существенный элемент процесса. Как мы видели ранее, обмен имеет сильную тенденцию быть игрой с положительной суммой, в которой выигрывают обе стороны. Если обмен осуществляется без принуждения, то есть, если в решениях отсутствуют элементы системы угроз, он не может состояться вообще, если обе стороны во время принятия решения об обмене не почувствуют, что они выиграют. Человек, который думает, что он не получит выгоды от обмена, может просто отказаться от обмена, и предложение об обмене со стороны первой стороны не будет принято. Это по-прежнему оставляет возможность того, что в ретроспективе обмен окажется невыгодным для той или иной стороны. Товары, которые мы покупаем, могут оказаться бракованными, или мы можем решить, что они нам на самом деле не нужны. Деньги, которые мы получаем от продажи, могут потерять свою ценность из-за инфляции. Акции, которые мы покупаем, могут упасть в цене, и нам будет жаль, что мы их купили. Некоторые из этих разочарований неизбежны и возникают из-за неизбежного незнания. Некоторые из них могут быть результатом обмана и жульничества, и от них можно до некоторой степени защититься, обратившись в систему угроз закона. Некоторые разочарования снова можно рассматривать как часть стоимости процесса обучения, с помощью которого мы учимся избегать некоторых товаров и некоторых обменов и с помощью которого мы учимся иметь более реалистичные ожидания в отношении результатов обмена. Несмотря на эти возможные исключения и из-за самого процесса обучения, который они подразумевают, тенденция к обмену, приводящему к взаимной выгоде, чрезвычайно велика в долгосрочной перспективе. Эта тенденция усиливается возможностями обмена, которые способствуют разделению труда и специализации, а это, в свою очередь, способствует огромному увеличению производительности и благосостояния человека, несмотря на определенные человеческие и социальные издержки, которые это налагает. Без обмена каждая семья была бы швейцарской семьей Робинзонов, выращивала бы себе еду, ткала бы свою собственную ткань, строила свой собственный дом и обеспечивала бы себе развлечения. Бедность такого мира была бы выше даже бедности беднейшего крестьянина Индии. Таковой, действительно, была участь палеолитического человека, за исключением необычно удачных мест.

Единственный диалектический элемент обмена — конфликт, который может иметь место в двустороннем обмене условиями сделки. Если существует диапазон цен при обмене, при котором обе стороны считают, что они выиграют, обмен состоится. Однако очевидно, что в пределах этого диапазона продавец предпочтет

высокую цену, а покупатель — низкую. Если цена находится в верхней части диапазона, большая часть прибыли от сделки будет отдана продавцу, но если она находится на нижней части, большая часть прибыли достанется покупателю.

Поскольку этот элемент конфликта в обмене более заметен, чем его положительная сумма и неконфликтный аспект, обмен иногда неверно истолковывается как по существу конфликтный процесс. Однако конфликт в обмене является несущественным, а зачастую и вовсе не происходит. Если он становится острым, это может быть разрушительным для самого процесса обмена и может привести к извращённому динамическому процессу, в котором обоим сторонам становится хуже, а не лучше. Для успешного проведения обмена необходимо, чтобы у его сторон был какой-то механизм для управления вовлеченным конфликтом. Если этот механизм неадекватен, неспособность разрешить конфликт может привести к потерям для обеих сторон, поскольку обмен, который был бы выгоден для них обоих на некоторых условиях, вообще не состоится, потому что условия не могут быть согласованы.

Здесь снова диалектический процесс — потенциально разрушительный инцидент в том, что по сути является недиалектической операцией. Возможно, здесь термин «диалектический» слишком расширяется, чтобы включить в него конфликт, связанный с переговорами. Если мы хотим отличать диалектические процессы от процесса конфликта в целом, они должны относиться к конфликтам, в которых главный вопрос заключается в том, «кто является высшей силой». Однако это совершенно не подходящая модель для описания переговорного процесса. Сила торга — это не способность уничтожить или вытеснить оппонента, а способность перейти в более выгодную позицию, в которой все еще ведется игра с положительной суммой. Если переговорная сила используется диалектически, она разрушает весь процесс торга. Более того, переговорная сила — очень странное явление. Часто именно слабые имеют большую переговорную силу просто потому, что сильные не могут позволить себе разрушить отношения обмена, поставив их к стенке. Таким образом, вся концепция переговорной силы очень плохо вписывается в диалектические рамки мышления.

Мы видим хороший пример этого в производственных отношениях. Если сделка между работодателем и рабочим понимается в диалектических терминах, то есть в терминах классовой войны, в которой та или иная сторона должна «выиграть», сделка окажется под угрозой полного срыва. История рабочего движения в Соединенных Штатах представляет собой интересный пример этого явления. Промышленные рабочие мира (IWW) были профсоюзной организацией с сильной диалектической философией. Она рассматривала производственные отношения как классовую войну, в которой одна или другая сторона должна была побеждать, и ее целью было выиграть эту войну и отменить систему заработной платы. Из-за этой философии организация фактически разрушила себя. Она превратил производственные отношения в войну, которую профсоюз неизбежно проиграл бы. Он действительно проиграл, и его организация была почти разрушена. С другой стороны, «бизнес-союзы» в лице Гомперса и АФТ (Американской федерации труда) отвергли диалектический взгляд на переговорный процесс. Они не стремились уничтожить работодателей или разрушить систему оплаты труда, а хотели получить выгодную сделку. АФТ осознала, что торг подразумевает сосуществование, а не классовую войну, хотя сосуществование не всегда может быть мирным. Этот «профсоюзный бизнес» выжил и процветал, в то

время как профсоюзы, основанные на диалектической философии, будь то IWW или более поздние профсоюзы, в которых доминировали коммунисты, обрекали себя на бессилие и неудачи, потому что они оценивали по существу недиалектическую ситуацию в диалектических терминах.

Когда мы смотрим на общий процесс экономического развития, технологических и социальных изобретений, мы обнаруживаем, что он также во многом недиалектичен. Он происходит в процессе мутации и отбора. Несмотря на то, что успех усовершенствованных методов подразумевает конфликт между новыми методами и старыми, менее продуктивными, его можно наиболее плодотворно рассматривать как недиалектический конфликт. Это конфликт, похожий на знаменитые кокусы в «Алисе в стране чудес», в которых все побеждают и в которых все должны иметь призы. Экономическое развитие — это, по сути, нереволюционный процесс мутационного отбора. Оно тесно связано с процессом увеличения знаний, и вряд ли будет преувеличением описать экономическое развитие просто как частный аспект общего процесса социального обучения. Даже процесс накопления физического капитала, который является важным аспектом экономического развития, должен интерпретироваться в первую очередь с точки зрения наложения определенной структуры знаний в физическом мире. Мы не получаем экономического развития, просто накапливая запасы старых вещей. Мы не получаем его, например, просто складывая большие кучи пшеницы на складах. Скорее, оно заключается в разработке новых машин, инструментов, привычек поведения и социальных организаций, которые, по сути, являются производными от изменений в знаниях. Машина — это просто человеческое знание, навязанное физическому миру.

Экономическое развитие

Как и в других недиалектических кумулятивных процессах, экономическое развитие имеет диалектический аспект. Например, вытеснение низшего метода высшим часто сопровождается социальными конфликтами и временным ухудшением положения тех, кто придерживается старых методов. Когда впервые применяется новый, улучшенный метод, он обычно приводит к значительному увеличению выпуска соответствующего товара, что приводит к падению его относительной цены. Если бы цена не упала, пользователи новых методов были бы слишком обеспечены и имели бы слишком благоприятные условия торговли. Новые методы снижают себестоимость производства, так что при прежних ценах пользователи нового метода будут иметь необычно высокие доходы. Падение цен снижает доходы тех, кто все еще придерживается старых методов. Известным и трагическим примером этого процесса было тяжелое положение ручных ткачей в Англии в первые дни промышленной революции, когда относительная цена ткани резко упала в результате внедрения машинных методов. Новые методы также обычно связаны с потерей основной стоимости специализированного капитала, вложенного в старые методы. Когда этот капитал состоит из человеческих навыков, потеря особенно трагична. Человек может обнаружить, что навык, в который он вложил много лет своей жизни, внезапно становится почти бесполезным. Несмотря на то, что экономическое развитие, как и обмен, представляет собой процесс с исключительно положительной суммой в том смысле, что выгоды намного превышают потери, для некоторых людей есть потери, а поскольку они есть, возникает конфликт.

Конфликт, однако, становится диалектическим только в том случае, если он вовлекается в систему угроз, то есть если люди, практикующие более старые, менее эффективные методы, пытаются приспособиться к новой ситуации, не адаптируясь к усовершенствованному методу, а защищая старую, используя систему угроз и политическую власть. Именно в этот момент диалектические процессы могут стать актуальными для экономического развития. Люди, которые контролируют государство, например, могут быть группой домовладельцев, которые на личном уровне успешны, несмотря на плохую технику и низкую производительность своих арендаторов. Поэтому они сопротивляются технологическому совершенствованию как угрозе своей политической власти. При таких обстоятельствах может возникнуть подлинно революционная ситуация, в которой смещение центра политической власти вызовет процессы развития, которые в конечном итоге принесут выгоду всем. Следовательно, нельзя исключить возможность случаев, в которых диалектические процессы, такие как война и революция, в которых преуспевают противники существующим властным структурам, могут ускорить и высвободить процессы экономического развития, которые ранее подавлялись.

Здесь мы снова обнаруживаем любопытный парадокс: те революции, которые были продвинуты и успешно осуществлены теми, кто придерживался диалектической и революционной философии, были гораздо менее успешными в содействии развитию, чем те революции и передачи власти, которые имели место в недиалектической обстановке. Например, в Японии в 1868 году и в Пуэрто-Рико в 1941 году произошли сдвиги в структуре власти, которые положили начало длительному кумулятивному процессу экономического развития. Можно даже утверждать, что Славная революция 1688 года в Англии была похожим сдвигом. Напротив, результаты насильственных и диалектических революций в целом неутешительны. Французская революция 1783 года привела к отвлечению французской энергии на бесплодные захватнические войны и замедлила развитие французской экономики. Русская революция 1917 года привела к огромной трате ресурсов и разрушительному внутреннему конфликту в ходе первой коллективизации; без диалектической философии Россия сегодня, вероятно, зашла бы намного дальше. Однако недиалектические процессы кумулятивного роста знаний и технологий настолько сильны, что они не только маскируют эти диалектические перерывы, но и диалектические философии даже получают определенную признательность за их достижения.

Интегративная система

Интегративная система, то есть динамический процесс, посредством которого люди обретают любовь, уважение, статус, идентичность, идентификацию и т. д., настолько сложна и так мало понятна, что в настоящее время трудно сказать, что представляет собой смесь диалектических и недиалектических процессов в ней. В той мере, в которой интегративная система является частью общего процесса обучения, она в основном недиалектична. Если психоанализ и научил нас чему-то, так это тому, что диалектические процессы в семье и особенно между родителями и детьми наиболее разрушительны для интегративной системы. Мы должны научиться любить, и мы также учимся быть неспособными любить. Процессы, посредством которых осуществляются эти процессы обучения, все еще неясны. Тем не менее, у тех, кого любили в детстве, похоже, гораздо больше шансов научиться любить в свою очередь, чем у тех, кого не любили. Когда диалектические процессы конфликта и войны между поколениями доминируют в семейной ситуации, дети с большей вероятностью вырастут невротиками, отчужденными от мира, подверженными психическим и интегративным расстройствам, чем в семьях, где диалектические процессы, которые присутствуют всегда, умеренные и хорошо контролируемые.

В более широком масштабе, как мы видели, интегративные процессы в религиях или идеологиях имеют тенденцию объединяться с центрами систем угроз, а затем диалектические процессы возникают между конкурирующими центрами интегративных систем. Основная причина этого явления заключается в том, что угрозы должны быть легитимизированы, чтобы они были эффективными в качестве долгосрочных организаторов, а религии и идеологические системы очень полезны для обладателей силы угрозы из-за их способности вызывать легитимизацию. Поэтому представители религиозных или идеологических систем часто находят поддержку среди «князей», которые хотят узаконить свою собственную систему контругрозы какому-либо конкурирующему центру власти. Таким образом, распространение идеологических систем выстраивается по паттерну системы угроз и принимает диалектическую динамику. Успех и мощь центра силы угрозы во многом зависит от его способности задействовать успешную идеологию или интегративного организатора. Таким образом, мы видим христианскую церковь в первые дни ее существования как конкурирующую интегративную систему с Римской империей, которая в конечном итоге была поглощена Империей при Константине. Ислам обеспечил интегративную структуру для арабов и арабских завоевателей. Длительный диалектический процесс между христианством и исламом в большей степени отражает тот факт, что они легитимизировали комплексы политической угрозы, чем что-либо, присущее самим идеологиям. В наши дни мы видим марксизм как новый ислам, легитимизирующий и организующий еще один комплекс систем угроз. И снова мы обнаруживаем,

что центры угрозы используют конкурирующие идеологии для оправдания себя в расколе, как, например, между Москвой и Пекином.

В целом я склонен рассматривать эти диалектические элементы в интегративной системе как симптомы болезни, а не здоровья. Это правда, что один из самых простых способов достижения интегративной системы — это объединение людей против общего врага. Общий страх и общая ненависть — отличный интегратор, и нация осознаёт высокую степень внутренней интеграции во внешней войне. Это интеграция в малом масштабе, которая достигается за счет распада в крупном масштабе. Секта или нация могут стремиться сохранить свое внутреннее единство, разжигая взаимную ненависть к внешнему врагу. Однако, как только ненависть порождается, ее можно направить внутрь почти так же легко, как и вовне, и те организации и общества, которые стремились к интеграции таким образом, часто оказывались впоследствии разорванными внутренними фракциями, раздорами, расколами и гражданскими войнами. Ненависть к внешнему врагу, будь то в человеке или в нации, часто является симптомом глубокой внутренней ненависти к себе, которая является симптомом неспособности решить проблему внутренней интеграции и идентификации. Поэтому кажется разумным отнести процесс, посредством которого человек учится отождествлять себя с другими и, в конечном итоге, со всем человечеством, как кумулятивный недиалектический процесс, несколько похожий на процесс роста знания. Это не исключает возможности реальных диалектических процессов с интегративной системой. Иногда необходимо отказать в статусе и лишить уважения, когда те, кто занимает высокие позиции в существующей интегративной системе, делают это из-за какого-то прошлого состояния, которое больше не отражает реальность настоящего или будущего. Интегративная система демонстрирует длительные задержки, и если мы проявим чрезмерную любовь и уважение и, можно добавить, чрезмерную ненависть и неуважение к тем, кто не достоин ни того, ни другого, система проявит внутренние противоречия, в которых легко может возникнуть диалектический процесс. В этом отношении интегративная система, как ни странно, следует некоторым паттернам системы угроз. Способность управлять любовью, как и способность управлять страхом, уменьшается с расстоянием. Однако эти отношения очень сложны. Иногда, действительно, издали и так и сяк, а вблизи ни то ни се, а от разлуки любовь горячеей. В других случаях «с глаз долой — из сердца вон». Нельзя упускать из виду возможность возникновения подлинных диалектических процессов, подобных процессам системы угроз, но независимых от них, в интегративной структуре. Тем не менее, вероятно, было бы большой ошибкой сделать эти диалектические процессы центральными в динамике интегративной системы, поскольку они почти всегда кажутся обреченными на провал, и блокировать тот долгий и мучительно медленный процесс, благодаря которому мы вырастаем до подлинно интегративной системы человечеством в целом, процесс, в котором ни один мужчина или женщина не должны быть чужими ни себе, ни другим.

Два основных примера диалектической философии сегодня — это воинствующий национализм и марксистский коммунизм. Приверженцы этих философий склонны интерпретировать все ситуации как диалектические, независимо от того, таковы они на самом деле или нет. Поскольку реальные диалектические ситуации редки, диалектические философии приводят к высокой доле неверных решений. Можно

увидеть, например, как диалектическая философия национализма привела правителей Японии к некоторым катастрофическим решениям между 1937 и 1941 годами. Можно увидеть, как диалектическая философия привела к некоторым катастрофическим решениям в социалистических странах, таким как первая коллективизация в Советском Союзе, или «большой скачок» в Китайской Народной Республике. В равной степени верно и то, что отсутствие какой-либо философии истории может привести к столь же катастрофическим решениям или неспособности принять решение, например тем, которые характеризовались Великой депрессией в Соединенных Штатах в 1929-1932 годах или некомпетентностью западных держав в 1930-х годах. «Что лучше, диалектическая философия истории или никакой философии» было бы отличным предметом для спора! Это нереальная дилемма, решением которой является поиск лучшей философии истории.

Философия развития

Такая философия теперь возникает в результате работ многих мыслителей. Мы можем назвать это, возможно, «философией развития». Это взгляд на историю, который признает как диалектические, так и недиалектические элементы в историческом процессе. Следовательно, он способен оценить каждую ситуацию, в которой решение должно быть принято, с большей свободой и большим реализмом, чем довольствуются те люди, которые придерживаются более узкого взгляда. Это взгляд на исторический процесс, возникший из эпистемологических процессов науки. Его основная концепция - это тестирование, а не конфликт. Успех научного предприятия стал результатом взгляда на рост знания, в котором упор делается на конкретную проверку конкретных утверждений, а не на диалектическом конфликте систем или политических и социальных организаций. В донаучную эпоху взгляд человека на мир был по сути идеологическим. Эти идеологии послужили основой для интегративной структуры и организации отдельных обществ, а конфликт между этими обществами во многом определил распространение различных идеологий. Во всём этом был процесс проверки, в том смысле, что общества, которые верили в меньшее количество бессмыслицы, имели больше шансов выжить в этом конфликте, чем общества, которые верили в большее количество бессмыслицы. Однако сохранился тотальный идеологический пакет, содержащий как смысл, так и бессмыслицу. Своеобразный гений недиалектической революции науки заключался в открытии способа увеличения знания путем выделения компонентов идеологических пакетов и отдельной проверки индивидуальных предложений. Таким образом, рост знания больше не зависит от диалектических конфликтов целостных систем, в которых одна система преодолевает другую, а от проверки индивидуальных предложений и постепенных корректировок совокупных систем по мере того, как отдельные предложения успешны или терпят неудачу в процессе проверки.

Можно надеяться, что сейчас мы наблюдаем распространение научной, а не идеологической точки зрения на процессы развития человека и его обществ. В этом суть философии развития. Процесс тестирования отнюдь не прост. Арбитраж системы угроз, например, все еще в значительной степени определяет, будет ли общество по существу плановой экономикой или управляемой рыночной экономикой. Судьба Чехословакии, Вьетнама, Кубы или Санто-Доминго определяется диалектическими, а не научными процессами. Несмотря на деструктивность этих диалектических процессов, процессы развития продолжают. Например, как социалистический, так и капиталистический мир постепенно трансформируются изнутри медленным ростом социальных наук. Для отдельных людей и обществ, конечно, диалектические процессы весьма актуальны, но для исторического процесса человечества они относительно незначительны. Как только это будет осознано, сами диалектические процессы будут преобразованы в процессы, которые ближе к принципам прямого и специфического

тестирования, которое является единственной основой для безопасного прогресса в знаниях и благосостоянии.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Кеннет Болдинг
Недиалектические паттерны в истории

Взято 09.01.2024 с https://vk.com/@post_anarchism-kenneth-boulding-nondialectical

ru.anarchistlibraries.net